

О закрытых морфологических системах

И. А. Канакин

НОВОСИБИРСК, РОССИЯ

Аннотация. Проводится анализ закрытых морфологических систем, состоящих из величин оппозитивных и контрастных. К системам такого рода следует отнести категорию падежа в славянских языках. Решается вопрос о значении категории падежа, притом что ни семантическое, ни синтаксическое его «оправдание» не являются единственно верными. Формальный анализ данной категории приводит к выводу, что ни одна из его форм у имени существительного не вступает в отношения с остальными, а парадигматика местоименных форм имеет организацию, не равную таковой у имен. Управление падежом через предлог, распространенное во многих языках, также не позволяет дать только семантическое или только синтаксическое объяснение падежным различиям. Единственно безусловной и общей функцией для всех словоизменительных парадигм, в том числе и падежных, в разных языках выступает разбиение словарного состава по частям речи. Решающим условием остается тот факт, что словообразовательные и словоизменительные морфологические системы при этом должны быть закрытыми, характер их внутренней структуры не играет решающей роли; однако однозначному формальному описанию поддаются только системы с жесткой структурной организацией.

Ключевые слова: морфологические системы, падеж, структура, падеж в русском языке, предложное управление, жесткая структурная организация.

УДК 81'366

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-319-326

Вопрос о соотношении формы и значения постоянно находится в центре внимания науки о языке. Не подлежит сомнению, что лингвистическое исследование

Канакин И. А. О закрытых морфологических системах // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 319–326.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2019. № 2

© И. А. Канакин, 2019

не исчерпывается описанием языковых форм, но начинаться оно должно именно с него [Ветров, 1973, с. 7, 9, 17, 37; Лайонз, 1978, с. 147–148; Слюсарева, 1986, с. 30, 68; Бархударов, 1975, с. 130–131]. В частности, это относится к описанию морфологических систем словообразования и словоизменения, специфических для каждого отдельного языка, но строящихся на использовании в основном одних и тех же средств выражения грамматических значений [Бархударов, 1975, с. 27–33; Плоткин, 1975, с. 12–13].

Подобно любым другим, языковые системы по формальным основаниям делятся, прежде всего, на открытые и закрытые. Открытые – системы с нечеткими, размытыми границами, с неопределенным числом элементов, относительно свободно входящих в систему и выходящих из нее. Таковы, например, крупные части речи, многие объединения слов, произвольно выделяемые по семантическим основаниям (тематические группы, синонимические ряды), наконец, словарный состав языка в целом. Закрытые системы отличаются резкими, четкими границами, поскольку включают в себя строго определенное число элементов, обычно небольшое [Бенвенист, 2009, с. 63; Плоткин, 1975, с. 6–7]. Закрытыми являются все фонологические и морфологические системы, хотя их границы определяются по-разному разными авторами, которые насчитывают, например, от 14 до 22 фонем в системе английских гласных [Блумфилд, 1968, с. 133; Плоткин, 1989, с. 184–185], от 2 до 16 форм времени английского глагола [Бархударов, 1975, с. 129; Плоткин, 1975, с. 82–83; 1989, с. 111–125], от 6 до 14 падежей в русском языке [Зализняк, 2002, с. 44–46] вследствие неординарной трактовки понятий «фонема», «время», «падеж».

Обязательное свойство любой системы – наличие связей и взаимозависимостей между ее элементами; без таких связей система просто не существует, а без их учета она не может быть адекватно описана. Связи между элементами образуют структуру системы – сетку, в узлах которой располагаются элементы. Структуры могут быть жесткими либо мягкими, свободными. Важнейшая черта связей в жесткой структуре – их оппозиционность, контрастность [Плоткин, 1975, с. 6–7]. Это означает, что элементы такой системы, во-первых, альтернативны, взаимно несовместимы, т. е. не могут сочетаться друг с другом; во-вторых, однозначно противопоставлены друг другу и однозначно друг друга определяют [Quirk et al., 1982, с. 26–27; Касевич, 1977, с. 85]. Примером может служить система окончаний личного глагола:

<i>иду</i>	<i>идем</i>
<i>идешь</i>	<i>идете</i>
<i>идет</i>	<i>идут</i>

Число этих окончаний строго ограничено; они обязательны, но альтернативны, дизъюнктивны: любая личная форма глагола обязательно имеет окончание, но лишь одно, они не могут сочетаться; каждое окончание отличается от остальных и однозначно им противопоставлено – однозначно через них определяется. Жесткие структуры могут быть описаны одним-единственным способом. Элементы систем с мягкой структурой названными свойствами не обладают, а сами такие структуры допускают неоднозначную интерпретацию.

Обычно свойства жесткой структуры прямо приписываются любым закрытым системам, в то время как свободная структура признается лишь за системами открытыми; такую позицию занимают, например, авторы упомянутого британского университетского учебника [Quirk et al., 1982]. Такой взгляд нуждается в уточнении. С одной стороны, открытые системы действительно не могут обладать жесткой организацией; ее не может иметь, например, словарный состав никакого живого языка. С другой стороны, жесткую структурную организацию не обнаруживают и некоторые из закрытых систем. Для начала достаточно обратиться хотя бы к сфере словообразования. Словообразовательные морфемы в славянских, германских, романских и многих других языках формируют несомненно закрытые системы, однако все они необязательны, друг друга не предполагают и не исключают и могут сочетаться друг с другом: англ. *hopelessness, suspiciously*; нем. *Dankbarkeit, Schreiberling*; русск. *красавица, чудовище*. В свою очередь, словоизменительные морфемы хотя обязательны и альтернативны, но образуют формы, взаимоотношения которых не всегда столь однозначны, как в приведенной выше парадигме спряжения. В этой связи представляет особый интерес категория падежа в славянских языках, в частности в русском. Для простоты мы в соответствии с традицией признаем ее шестичленной; признание двойных форм родительного и предложного падежей (*чая – чаю, в лесу – о лесе*) не меняет общей картины.

Формальный структурный анализ парадигм склонения существительных при отвлечении от их семантики и синтаксического употребления дает довольно неожиданные результаты: единственный падеж, форма которого у всех склоняемых существительных в русском языке всегда отличается от других – творительный. Остальные падежные формы частично совпадают друг с другом по 5 типам в сложной зависимости от грамматических значений одушевленности, рода и числа, а также от фонетических особенностей основы слова:

Падеж	Тип				
	1	2	3	4	5
Им. п.	+			+	
Род. п.		+			+
Дат. п.			+		+
Вин. п.	+	+		+	
Предл. п.			+	+	+

К типу 1 (с совпадением форм им. и вин. п.) относятся

- все неодушевленные существительные во мн. ч.;
- неодушевленные м. р. в множественном числе с исходом на согласный;
- часть слов ср. р. (вроде *окно, зерно, весло*).

К типу 2 (с совпадением форм род. и вин. п.) принадлежат

- все одушевленные существительные во мн. ч.;
- одушевленные м. р. в множественном числе с исходом на согласный.

К типу 3 (с совпадением форм дат. и предл. п.) относятся все существительные м. и ж. р. на -а / -я в множественном числе (*слуга, дядя, вода, земля*).

К типу 4 (с совпадением форм им., вин. и предл. п.) относится часть существительных ср. р. (вроде *поле, море, горе*).

К типу 5 (с совпадением форм род., дат. и предл. п.) относятся существительные ж. р. на -ия (вроде *армия, линия, химия*).

Особую группу с совпадением форм одновременно по 1-му и 5-му типам (им. п. = вин. п., род. п. = дат. п. = предл. п.) образуют

- одушевленные и неодушевленные существительные ж. р. с исходом на мягкий согласный в множественном числе (*мать, дочь, ночь, соль*);
- слова ср. р. склонения на -я в множественном числе (*знамя, имя, время*);
- существительное м. р. 'путь'.

Как видим, ни один из этих пяти падежей формально не вступает в прямые отношения с остальными.

Любое существительное в речи может быть заменено местоимением 3-го лица, но в свете изложенного не приходится ожидать тождества именной и местоименной парадигматики, последняя действительно организована совсем иначе.

У всех личных местоимений в русском языке положительно отмечены две падежные формы, не совпадающие с другими, – форма им. п. и форма твор. п. (правда, последняя для женского рода только в ее устаревшем варианте *ею*). У всех местоимений совпадают формы род. и вин. п. В целом склонение этих местоимений сводится к трем типам:

- 1) с совпадением только форм род. и вин. п.:

им. п.	<i>он / оно</i>
род. п.	<i>его</i>
дат. п.	<i>ему</i>
вин. п.	<i>его</i>
твор. п.	<i>им</i>
предл. п.	<i>о нем</i>

- 2) с совпадением форм род., вин. и предл. п.:

им. п.	<i>мы</i>	<i>Вы</i>	<i>они</i>
род. п.	<i>нас</i>	<i>Вас</i>	<i>их</i>
дат. п.	<i>нам</i>	<i>Вам</i>	<i>им</i>
вин. п.	<i>нас</i>	<i>Вас</i>	<i>их</i>
твор. п.	<i>нами</i>	<i>Вами</i>	<i>ими</i>
предл. п.	<i>(о) нас</i>	<i>(о) вас</i>	<i>(о) них</i>

- 3) с совпадением форм родительного и винительного; дательного и предложного падежей:

им. п.	<i>я</i>	<i>ты</i>	<i>она</i>
род. п.	<i>меня</i>	<i>тебя</i>	<i>ее</i>
дат. п.	<i>мне</i>	<i>тебе</i>	<i>ей</i>
вин. п.	<i>меня</i>	<i>тебя</i>	<i>ее</i>
твор. п.	<i>мною</i>	<i>тобой</i>	<i>ею</i>
предл. п.	<i>(обо) мне</i>	<i>(о) тебе</i>	<i>(о) ней</i>

Итак, жесткая структура – совсем не обязательное свойство закрытой системы. Следует обратить внимание на глубокое замечание В. Я. Плоткина: «Структура не является простой совокупностью прямых взаимосвязей между элементами. Элементы с элементами в прямые связи не вступают, если системе в целом такие связи не нужны» [Плоткин, 1989, с. 8].

Из всего сказанного можно сделать вывод: категория падежа в русском (и, по-видимому, в других языках) принципиально не поддается однозначной трактовке уже по чисто формальным причинам. Что касается многочисленных попыток ее интерпретации с позиций семантики и/или синтаксиса (Якобсон, Курилович, Филлмор, Блейк, Мельчук, Плунгян), часть из которых претендует на окончательное и универсальное решение проблемы, то нужно согласиться с тем, что сохраняет силу утверждение, что, с одной стороны, «категории падежа невозможно дать удовлетворительное общее определение в семантических терминах» [Лайонз, 1978, с. 306], тем более, если сам Ч. Филлмор в конечном счете признает, что «значения обуславливаются ситуациями» [Филлмор, 1981, с. 497], т. е. в сущности непредсказуемы; с другой стороны, «один и тот же падеж может реализовать более чем одну синтаксическую функцию в одном и том же языке» [Лайонз, 1978, с. 309].

Добавим также, что все подобные попытки разбиваются об один факт, который обычно остается в тени, – факт существования такого явления, как предложное управление в славянских, балтийских и других языках, из германских – в немецком и исландском (соответствующий феномен послеложного управления известен в уральских и алтайских языках). Предложному управлению падежом (*со мной, но без меня*; нем. *mit mir*, но *ohne mich*) действительно невозможно найти ни семантического, ни синтаксического оправдания, поскольку предлог – слово служебное, он не является членом предложения, и падежные различия при нем работают «вхолостую».

Русский язык

<i>для меня</i>	<i>ко мне</i>	<i>со мной</i>
<i>от меня</i>	<i>при мне</i>	<i>подо мной</i>
<i>до меня</i>	<i>обо мне</i>	<i>надо мной</i>
<i>без меня, из-за меня</i>		

Немецкий язык

С дат. п.: *mit mir* ‘со мной’, *zu mir* ‘ко мне’, *bei mir* ‘у меня’, *von mir* ‘обо мне’.
С вин. п.: *für mich* ‘для меня’, *ohne mich* ‘без меня’.

Исландский язык [Бедвардсон, 1962, с. 985; 1018]

С род. п.: *til min* ‘ко мне’, *an min* ‘без меня’, *auk min* ‘кроме меня’.
С дат. п.: *hja mer* ‘у меня’, *fra mer* ‘от меня’, *handa mer* ‘для меня’.
С вин. п.: *um mig* ‘обо мне’, *um hvortis mig* ‘вокруг меня’.

Утверждение Ч. Филлмора о «прямой аналогии» между выбором предлога и выбором определенной падежной формы [Филлмор, 1981, с. 381, 417–418] совершенно неубедительно, поскольку предлоги, уже в силу своего количественного несоответствия, явно не образуют закрытых систем, соотносимых с закрытыми падежными системами. В свою очередь, попытка Б. Блейка представить предложное управление как одно из звеньев общего механизма – процесса преобразования семантических (локальных) отношений в функциональные (синтаксические)

[Blake, 1997, p. 163, 171–177] – также заведомо не может охватить реальное многообразие непредсказуемых сочетаний неодинакового количества предлогов ‘meaningless case markers’ [Ibid., p. 161] с неодинаковым количеством падежных форм в разных языках, которое остается неопределенным и у разных авторов задается открытыми списками [Blake, 1997, p. 68, 75; Филлмор, 1981, с. 406].

Так в чем же смысл категории падежа? Еще раз обратимся к словообразованию. Порождая слова, словообразовательная морфология прежде всего обслуживает потребности семантики, но при этом сами слова получают одновременно определенную привязку к той или иной части речи, хотя и не всегда последовательно (*добро* – существительное, но *рано* – наречие; англ. *wooden* – прилагательное, но *warden* – глагол). Можно утверждать, что для словоизменительной морфологии верно обратное – она прежде всего призвана маркировать принадлежность слова к той или иной части речи [Плоткин, 1975, с. 18–19]. Эту ее роль отмечают и другие авторы [Кузнецов, 1989, p. 131–132; Слюсарева, 1986, с. 193–197], но они не считают ее главной. Между тем разбиение словарного состава по частям речи – единственная функция словоизменительных парадигм, действительно общая для всех языков, в которых существуют такие парадигмы. Лишь во вторую очередь и также далеко не всегда последовательно они могут привлекаться к обслуживанию потребностей семантики и синтаксиса, специфичных для отдельных языков – не имеющих универсального характера.

Таким образом, как словообразование, так и словоизменение служат выполнению общих задач, но в разной степени. Для успешного выполнения одной из этих задач – идентификации принадлежности слова к определенной части речи – требуется лишь, чтобы как словообразовательные, так и словоизменительные морфологические системы были закрытыми, характер же их внутренней структуры не играет решающей роли; однако однозначному формальному описанию поддаются только системы с жесткой структурной организацией.

Слова Есперсена «Падеж – одно из наиболее иррациональных явлений языка», которые А. Вежбицка выбрала в качестве эпиграфа для известной статьи [Вежбицка, 2011, с. 255], отражают веру в существование неких иных, «более рациональных» языковых явлений, «рациональность» которых, по нашему мнению, тоже не стоит преувеличивать. Мы считаем, что вышеизложенное относится ко всем морфологическим категориям, само существование которых не обязательно и не обусловлено природой человеческого языка. В тех языках, где они присутствуют, они служат не для непосредственной передачи семантического содержания или выражения синтаксических функций, но прежде всего для разбиения словаря на части речи по формальным основаниям, неодинаковым от языка к языку.

Поэтому неодинаков сам состав (набор) таких категорий, не существует их общей универсальной номенклатуры; ни одна из них не является обязательной [Плоткин, 1975, с. 5–6], ни одна не является «лишней», вопреки Лайонзу [1978, с. 304–305]. Неодинаковы взаимоотношения категорий; так, число и падеж существительных формально не зависят друг от друга в тюркских, но неразрывно связаны друг с другом в славянских языках. Неодинаков объем одних и тех же категорий в разных языках; например, существительное в шведском различает две падежные формы, в финском же – 15. Наконец, неодинаковы и принципы организации грамматических категорий, характер их внутренней структуры, которая может быть более жесткой либо более мягкой.

Степень жесткости структурной организации закрытых словоизменительных систем – грамматических категорий и парадигм – определяется общими типологическими характеристиками данного конкретного языка. Она невысока в языках флективных с их богатой морфологией, с большим количеством категориальных форм, слабо связанных между собой, как в славянских языках. И она возрастает по мере утраты флексий и сокращения общего числа различных словоформ, по мере упрощения и укрепления их взаимосвязей, как это имело место, например, в германских языках на протяжении их истории [Плоткин, 1989, с. 101; Кузнецов, 1989, с. 83–84].

Список литературы

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
- Бедвардссон А.* Краткий очерк грамматики исландского языка // Берков В. П. Исландско-русский словарь. М., 1962.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., URSS, 2009.
- Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968.
- Вежбицка А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур. 2011.
- Ветров А. А.* Методологические проблемы современной лингвистики: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1973.
- Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Языки славянской культуры. 2002.
- Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977.
- Кузнецов Н. С.* Теоретическая грамматика датского языка: Морфология. М.: Наука, 1989.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
- Плоткин В. Я.* Грамматические системы в английском языке. Кишинёв: ШТИНЦА, 1975.
- Плоткин В. Я.* Строй английского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1989.
- Слюсарева Н. А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986.
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10: Лингвистическая семантика. С. 369–495.
- Blake B. J.* Case. Cambridge University Press, 1997.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A university grammar of English. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982.

Article metadata

Title: About Closed Morphological Structures

Author: I. A. Kanakin

Abstract. The article deals with the analysis of ‘closed’ morphological systems, containing oppositional and contrastive elements. The category of case in the Slavic languages represents the systems of this kind. An attempt is made to shed light on the

meaning of the case category in the Russian language. We argue that neither its semantic nor syntactic explanation are taken as being the only criterion of truth.

The formal analysis of this category reveals that there is no relationship of noun case forms and that the structuring of pronoun and noun paradigms is different.

Case government through prepositions, widely spread in many languages, also fails to explain case distinctions either from only semantic or syntactic perspective.

The distribution of words into parts of speech in various languages still remains the only undoubted and common function for all inflectional case paradigms.

We view 'closed' derivational and inflectional morphological systems as a fundamental condition in this respect; the character of their structure is of little importance; however, formal and unambiguous description can only be applied to the rigidly structured systems.

Key terms: morphological systems, case, case in Russian, prepositional government, rigid structure.

Reference literature (in transliteration):

- Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod*. Moscow, 1975. (in Russ.)
- Bedvardsson A. *Kratkij ocherk grammatiki islandskogo yazyka*. In: Berkov V. P. *Islandsko-russkij slovar'*. Moscow, 1962. (in Russ.)
- Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, 2009. (in Russ.)
- Blumfeld L. *Yazyk*. Moscow, 1968. (in Russ.)
- Vezhbicka A. *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty*. Moscow, 2011. (in Russ.)
- Vetrov A. A. *Metodologicheskie problemy sovremennoj lingvistiki: ucheb. posobie*. Moscow, 1973. (in Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow, 2002. (in Russ.)
- Kasevich V. B. *Elementy obshhej lingvistiki*. Moscow, 1977. (in Russ.)
- Kuznetsov N. S. *Teoreticheskaya grammatika datskogo yazyka: Morfologiya*. Moscow, 1989. (in Russ.)
- Lajonz Dzh. *Vvedenie v teoreticheskiju lingvistiku*. Moscow, 1978. (in Russ.)
- Plotkin V. Ya. *Grammaticheskie sistemy v anglijskom yazyke*. Kishinyov, 1975. (in Russ.)
- Plotkin V. Ya. *Stroj anglijskogo yazyka: ucheb. posobie*. Moscow, 1989. (in Russ.)
- Slyusareva N. A. *Problemy funktsional'noj morfologii sovremennogo anglijskogo yazyka*. Moscow, 1986. (in Russ.)
- Fillmor Ch. *Delo o padezhe*. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, 1981, iss. 10: *Lingvisticheskaya semantika*, p. 369–495.
- Blake B. J. *Case*. Cambridge University Press, 1997.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A university grammar of English*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982.